

*«Ты – женщина
и этим ты права»*

*Антология
Александра Боброва*

Сборник

**«Ты – женщина и этим ты права».
Антология Александра Боброва**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 82-84
ББК 81(2Рос)

Сборник

«Ты – женщина и этим ты права». Антология Александра Боброва
/ Сборник — «Директ-Медиа», 2014

Максим Горький, которого сегодня редко цитируют, вынес из глубин народной нравственности и высказал с вершин мирового признания точное суждение: «Высота культуры определяется отношением к женщине». В наше антипоэтическое время, увы, далеко не все стихотворные произведения могут выдержать испытание подобной высотой. Но в этот сборник включены многие (далеко не все, конечно!) подлинные шедевры любовной лирики трёх веков – XIX; XX; XXI века, которые ещё раз доказывают чувствующему человеку, что русская поэзия – вершина культуры, что русские поэты – умели и не разучились любить. Может быть, как никакие другие в мире.

УДК 82-84
ББК 81(2Рос)

© Сборник, 2014
© Директ-Медиа, 2014

Содержание

Гимн женщине	6
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!	9
Александр Пушкин (1799–1837)	9
К***	9
«В крови горит огонь желанья...»	9
«Всё в жертву памяти твоей...»	10
Желание	10
«Как сладостно!.. но, боги, как опасно...»	10
«Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...»	11
Ты и вы	11
«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»	11
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	12
Гавриил Державин (1743–1816)	13
Нине	13
Объявление любви	13
Василий Капнист (1758–1823)	15
Вздых	15
Василий Жуковский (1783–1852)	16
Песня	16
Денис Давыдов (1784–1839)	18
Ей	18
«Я вас люблю так, как любить вас должно...»	18
Вальс	18
Гусар	19
Константин Батюшков (1787–1855)	20
Мой гений	20
«Я клялся боле не любить...»	20
Петр Вяземский (1792–1878)	21
Любить. Молиться. Петь	21
«Ты светлая звезда таинственного мира...»	21
«Моя вечерняя звезда...»	21
Вильгельм Кюхельбекер (1797–1846)	23
Любовь	23
Антон Дельвиг (1798–1831)	24
Любовь	24
«За что, за что ты отравила...»	24
Романс	24
Евгений Баратынский (1800–1844)	26
«Нет, обманула вас молва...»	26
«Приманкой ласковых речей...»	26
Поцелуй	26
Разуверение	27
Фёдор Тютчев (1803–1873)	28
«Как неразгаданная тайна...»	28
«Еще томлюсь тоской желаний...»	28
«Как ни бесилося злоречье...»	28

Последняя любовь	29
Николай Языков (1803–1846)	30
Аделаиде	30
Александр Полежаев (1804–1838)	31
«Зачем задумчивых очей...»	31
Дмитрий Ознобишин (1804–1877)	32
Признание	32
Владимир Бенедиктов (1807–1873)	33
Люблю тебя	33
«Я знаю, – томлюсь я напрасно...»	33
Алексей Кольцов (1809–1842)	35
Первая любовь	35
Евгений Гребенка (1812–1848)	36
Черные очи	36
Николай Огарёв (1813–1877)	37
Первая любовь	37
«Я помню робкое желанье...»	37
Михаил Лермонтов (1814–1841)	39
«Она не гордой красотою...»	39
«Без вас хочу сказать вам много...»	39
«Скажи мне: где переняла...»	39
Благодарность	40
Благодарю!	40
Договор	41
Алексей К. Толстой (1817–1875)	42
«Средь шумного бала, случайно...»	42
Иван Тургенев (1818–1883)	43
«К чему твержу я стих унылый...»	43
«Когда с тобой расстался я...»	43
Яков Полонский (1819–1898)	44
Ночью	44
«Мой ум подавлен был тоской...»	44
Афанасий Фет (1820–1892)	45
«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»	45
«Не отходи от меня...»	45
Николай Некрасов (1821–1878)	46
Гадающей невесте	46
«Когда горит в твоей крови...»	46
«Давно – отвергнутый тобою...»	47
«Как ты кротка, как ты послушна...»	47
Алексей Жемчужников (1821–1908)	49
«Странно! Мы почти незнакомы...»	49
Аполлон Майков (1821–1897)	50
Купальщицы	50
Аполлон Григорьев (1822–1864)	51
«Благословение да будет над тобою...»	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

«Ты – женщина и этим ты права».

Антология Александра Боброва. Сборник

Гимн женщине

Один из самых первых лирических авторов на земле – римский поэт Катулл ещё до новой эры вывел изящную формулу: «То, что говорит женщина любящему её человеку, писано на ветре и быстротекущей воде». Сам он был уверен, что поэт может запечатлеть сказанное любимой женщине – на скрижалях вечности.

В русской авторской поэзии, зародившейся довольно поздно и достигнувшей стремительного взлёта, любовная лирика сложилась в неповторимый Гимн женщине. Потом и сами поэтессы достойно ответили классикам, дополнили песню любви прекрасными звуками, пролили свет женского сердца. Недаром Михаил Лермонтов посвятил братские строки графине Евдокии Ростопчиной:

Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены...

Ему позже вторил замоскворецкий поэт и критик, автор пронзительных авторских песен Аполлон Григорьев:

Мне стыдно женщину любить
И не назвать её сестрой.

Но этот сборник, названный по строке Валерия Брюсова: «Ты – женщина, и этим ты права...», являет собой незатихающие и порой далеко не сестринские созвучия Гимна женщине, сотворённого поэтами-классиками и нашими современниками. Он передаёт, по словам Петра Вяземского:

Преданье темное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь;
Души, настроенной к созвучию с прекрасным,
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!

Три вечные струны гармонично зазвучали в лирике прошлых веков, в Золотом веке русской поэзии, потом откликнулись сиреневыми мелодиями в поэзии Серебряного века и, наконец, сквозь кровь и созидание XX века дошли до нового тысячелетия, продолжая и развивая отечественные традиции, нарушая каноны и принося порой диссонансы. Тем не менее, пушкинский завет остаётся в силе и продолжает освещать творчество подлинных лириков:

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей...

Поэты нового времени вступали в след своих современников или находили новые воздушные пути, по выражению Бориса Пастернака, но сам он, обновитель поэтического языка, признавался с некрасовской ясностью:

И так как с малых детских лет
Я ранен женской долей.
И след поэта – только след
Её путей – не более...

Трагический век внёс свои мотивы и, кроме изящных камней, вроде той, что изображена на обложке книги, появились другие портреты – суровые, как у ссыльного Варлама Шаламова:

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.
Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.

Или, напротив, мягкие, буколические, как у Виктора Бокова, который, к слову, тоже прошёл испытание Сибирью:

У тебя не глаза, а лето,
Что теплом поманило с утра.
А сама ты – собрание света,
Справедливости и добра!

Бесконечные признания, неисчерпаемые ипостаси, выразительные черты в портрете Женщины. Максим Горький, которого сегодня редко цитируют, вынес из глубин народной нравственности и высказал с вершин мирового признания точное суждение: «Высота культуры определяется отношением к женщине». В наше антипоэтическое время, увы, далеко не все стихотворные произведения могут выдержать испытание подобной высотой. Они в сборник – не включены.

Шедевры любовной лирики, возвышающие образ Женщины, ещё раз доказывают чувствующему человеку, что русская поэзия – вершина культуры, что русские поэты – умели и не разучились любить. Может быть, как никакие другие в мире. Нам вот неистовый Виссарион Белинский долго внушал, что «Евгений Онегин» – энциклопедия русской жизни, а президент куртуазной Франции Жак Ширак прочитал и перевёл его как неподражаемый любовный роман. Ведь так оно и есть! Для меня важны свидетельства отдалившихся братьев славян, которые близки по языку к русскому, но знают и европейскую литературу. Вот что говорит филолог и радиожурналист – директор Черногорского радио Драган Попадич: «Мы любим русскую литературу. Достоевский все объяснил про натуру русского человека и славянина. Пушкин – сама гармония, письмо Татьяне к Онегину – лучшие лирические строки в мире (начал мне читать без акцента “Я к вам пишу, чего же боле...”). А стихи Есенина любимой или письмо к матери – слезы вызывают. Читаю всё в подлиннике – ведь по-сербски это не так красиво звучит: “Ты излазишь на пут в старой свитке”. Ну, а сила чувства ваших поэтов – европейцам – не дана!».

Поверим этим лестным суждениям. Проверим нашу лирическую поэзию на золотую пробу.

«...»

Книга состоит из трёх разделов. В первом – собраны стихи Золотого века поэзии. Второй раздел, где представлена лишь малая, но замечательная часть лирики XX века составлена в

основном из стихов поэтов Серебряного века, а третий – из стихов русских советских поэтов и наших современников, включая XXI век.

Много рассуждать перед чтением исповедальной лирики бессмысленно. Все стихи сборника говорят об одном, точнее – об Одной-единственной, но каждое стихотворение – самоцвет.

Александр БОБРОВ – составитель, поэт, обладатель Большой золотой Пушкинской медали

Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!

Александр Пушкин (1799–1837)

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

«В крови горит огонь желанья...»

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,

И да почию безмятежный,
Пока дохнёт веселый день
И двинется ночная тень.

«Всё в жертву памяти твоей...»

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слёзы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

Желание

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слёзы лью; мне слёзы утешенье;
Моя душа, пленённая тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье —
Пускай умру, но пусть умру любя!

«Как сладостно!.. но, боги, как опасно...»

Как сладостно!.. но, боги, как опасно
Тебе внимать, твой видеть милый взор!..
Забуду ли улыбку, взор прекрасный
И огненный, волшебный разговор!
Волшебница, зачем тебя я видел —
Узнав тебя, блаженство я познал —
И счастье мое возненавидел.

«Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...»

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

Ты и вы

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она обмолвись заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою;
Свести очей с нее нет силы,
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»

Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, иступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, вясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняся на долгие моления,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва отвечаешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом все боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

«Я вас любил: любовь еще, быть может...»

Посвящение Анне Керн

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Гавриил Державин (1743–1816)

Нине

Не лобызай меня так страстно,
Так часто, нежный, милый друг!
И не нашептывай всечасно
Любовных ласк своих мне в слух;
Не падай мне на грудь в восторгах,
Обняв меня, не обмирай.

Нежнейшей страсти пламя скромно;
А ежели чрез меру жжет,
И удовольствий чувство полно, —
Погаснет скоро и пройдет.
И, ах! тогда придет вмиг скука,
Остуда, отвращенье к нам.

Желаю ль целовать стократно,
Но ты целуй меня лишь раз,
И то пристойно, так, бесстрастно,
Без всяких сладостных зараз,
Как брат сестру свою целует:
То будет вечен наш союз.

Объявление любви

Хоть вся теперь природа дремлет,
Одна моя любовь не спит;
Твои движенья, вздохи внемлет
И только на тебя глядит.

Приметь мои ты разговоры,
Помысль о мне наедине;
Брось на меня приятны взоры
И нежностью ответствуй мне.

Единым отвечай воззреньем
И мысль свою мне сообщи:
Что с тем сравнится восхищеньем,
Как две сольются в нас души?

Представь в уме сие блаженство
И ускоряй его вкусить:

Любовь лишь с божеством равенство
Нам может в жизни сей дарить.

Василий Капнист (1758–1823)

Вздых

С Миленой позднею порою,
Под тенью скромного леска,
Мы видели, как меж собою
Два разыгрались голубка.
Любовь моя воспламенилась,
Душа на языке была,
Но, полна страстью, грудь стеснилась,
И речь со вздохом умерла.
Увы! почто ж уста немели
И тайны я открыть не мог?
Но если б разуметь хотели,
Не все ль сказал уж этот вздох?
И нужно ль клятвы, часто ложны,
Всегда любви в поруки брать?
Глаза в душе всё видеть должны
И сердце сердцу весть давать.

Василий Жуковский (1783–1852)

Песня

М. А. Протасовой

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу – в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо – им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали,
Тебя любить – одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не растается;
Проснусь – и ты в душе моей
Скорей, чем день очей коснется.
Ах! мне ль разлуку знать с тобой?

Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь – мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?
Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь,

Тобою чувствую себя,
В тебе природе удивляюсь.

И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь – ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

Денис Давыдов (1784–1839)

Ей

В тебе, в тебе одной природа, не искусство,
Ум обольстительный с душевной простотой,
Веселось резвая с мечтательной душой,
И в каждом слове мысль, и в каждом взоре чувство!

«Я вас люблю так, как любить вас должно...»

Я вас люблю так, как любить вас должно:
Наперекор судьбы и сплетен городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.
Я вас люблю, – не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,
Уста роскошествуют и взор востоком пышет,
Что вы поэзия от ног до головы.
Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, —
Я мог бы вас любить глухим, лишенным зренья...
Я вас люблю затем, что это – вы!
На право вас любить не прибегу к паспорту
Иссохших завистью жеманниц отставных:
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и – убираться к черту!

Вальс

Ев. Д. З...ой

Кипит поток в дубраве шумной
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой невольню,
Колышет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.
Так бурей вальса не сокрыта,
Так от толпы отличена,

Летит воздушна и стройна
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,
И поэтических страстей!

Гусар

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.
Амур не вечно пастушком
В свирель без умолка играет:
Он часто, скучив посошком,
С гусарской саблей гуляет;
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает —
И тем милей бывает он!
Он часто с грозным барабаном
Мешает звук любовных слов;
Он так и нам под доломаном
Вселяет зверство и любовь.
В нас сердце не всегда желает
Услышать стон, увидеть бой...
Ах, часто и гусар вздыхает,
И в кивере его весной
Голубка гнездышко свивает...

Константин Батюшков (1787–1855)

Мой гений

О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальной.

Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.

Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный,
Повсюду странствует со мной.

Хранитель гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он;
Засну ль? – приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

«Я клялся боле не любить...»

Я клялся боле не любить
И клятвы верно не нарушу:
Велишь мне правду говорить?
И я – уже немного трушу!..

Петр Вяземский (1792–1878)

Любить. Молиться. Петь

Любить. Молиться. Петь. Святое назначенье
Души, тоскующей в изгнании своем,
Святого таинства земное выраженье,
Предчувствие и скорбь о чем-то неземном,
Преданье темное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь;
Души, настроенной к созвучию с прекрасным,
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!
Счастлив, кому дано познать отраду вашу,
Кто чашу радости и горькой скорби чашу
Благословлял всегда с любовью и мольбой
И песни внутренней был арфою живой!

«Ты светлая звезда таинственного мира...»

Ты светлая звезда таинственного мира,
Куда я возношусь из тесноты земной,
Где ждет меня тобой настроенная лира,
Где ждут меня мечты, согретые тобой.

Ты облако мое, которым день мой мрачен,
Когда задумчиво я мыслю о тебе,
Иль измеряю путь, который нам назначен,
И где судьба моя чужда твоей судьбе.

Ты тихий сумрак мой, которым грудь свежее,
Когда на западе заботливого дня
Мой отдыхает ум и сердце вечерее,
И тени смертные снисходят на меня.

«Моя вечерняя звезда...»

Моя вечерняя звезда,
Моя последняя любовь!
На потемневшие года
Приветный луч пролей ты вновь!

Средь юных, невоздержных лет

Мы любим блеск и пыл огня;
Но полурадость, полусвет
Теперь отрадней для меня.

Вильгельм Кюхельбекер (1797–1846)

Любовь

Податель счастья и мученья,
Тебя ли я встречаю вновь?
И даже в мраке заточенья
Ты обрела меня, любовь!

Увы! почто твои приветы?
К чему улыбка мне твоя?
Твоим светилом ли согретый
Воскресну вновь для жизни я?

Нет! минула пора мечтаний,
Пора надежды и любви:
От мрака лютого страданий
Хладеет ток моей крови.

Для узника ли взоров страстных
Восторг, и блеск, и темнота? —
Погаснет луч в парах ненастных:
Забудь страдальца, красота!

Антон Дельвиг (1798–1831)

Любовь

Что есть любовь? Несвязный сон.
Сцепление очарований!
И ты в объятиях мечтаний
То издаешь унылый стон,

То дремлешь в сладком упоенье,
Кидаешь руки за мечтой
И оставляешь сновиденье
С больной, тяжелой головой.

«За что, за что ты отравила...»

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.

Мне ль хладным быть к любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

Романс

Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность упоает,
Ей в жертву счастье отдает.

Зачем гасить душе моей
Едва блеснувшие желанья?
Хоть миг позволь мне без роптанья
Предаться нежности твоей.

За что страдать? Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?

Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.

Евгений Баратынский (1800–1844)

«Нет, обманула вас молва...»

Нет, обманула вас молва,
По-прежнему дышу я вами,
И надо мной свои права
Вы не утратили с годами.
Другим курил я фимиам,
Но вас носил в святыне сердца;
Молился новым образам,
Но с беспокойством староверца.

«Приманкой ласковых речей...»

Приманкой ласковых речей
Вам не лишить меня рассудка!
Конечно, многих вы милей,
Но вас любить – плохая шутка!

Вам не нужна любовь моя,
Не слишком заняты вы мною,
Не нежность – прихоть вашу я
Признаньем страстным успокою.

Вам дорог я, твердите вы,
Но лишний пленник вам дороже;
Вам очень мил я, но, увы!
Вам и другие милы тоже.

С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.

Поцелуй

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображенье:
И в шуме дня и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой —

Мне снишься ты, мне снится наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! И со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

Разуверение

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

Фёдор Тютчев (1803–1873)

«Как неразгаданная тайна...»

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.

Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

«Еще томлюсь тоской желаний...»

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

«Как ни бесилося злоречье...»

Как ни бесилося злоречье,
Как ни трудилось над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Все в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Николай Языков (1803–1846)

Аделаиде

Ланит и персей жар и нега
И томный блеск твоих очей...
О друг! ты Альфа и Омега
Любви возвышенной моей, —
Ты вся полна очарованья!
Я твой! Мои живые сны,
Мои кипучие желанья
Все на тебя устремлены.
Предайся ж мне: любви забавы
Я сладкозвучно воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою!

Александр Полежаев (1804–1838)

«Зачем задумчивых очей...»

Зачем задумчивых очей
С меня, красавица, неводишь?
Зачем огнем твоих речей
Тоску на душу мне наводишь?
Не припадай ко мне на грудь
В порывах милого забвенья, –
Ты ничего в меня вдохнуть
Не можешь, кроме сожаленья!
Меня не в силах воспалить
Твои горячие лобзанья,
Я не могу тебя любить –
Не для меня очарованья!
Я был любим, и сам любил –
Увял на лоне сладострастья,
И в хладном сердце схоронил
Минуты горестного счастья;
Я рано сорвал жизни цвет,
Всё потерял, всё отдал Хлое, –
И прежних чувств и прежних лет
Не возвратит ничто земное!
Еще мне милы красота
И девы пламенные взоры,
Но сердце мучит пустота,
А совесть – мрачные укоры!
Люби другого: быть твоим
Я не могу, о друг мой милый!..
Ах, как ужасно быть живым,
Полуразрушась над могилой!

Дмитрий Ознобишин (1804–1877)

Признание

Не губки в цвете розы новой,
Не свежесть милых уст твоих;
Не блеск зубов твоих перловый,
Не ямки в щечках наливных...
Нет, милый друг, не прелесть эта
Зажгла любовью грудь поэта!

Не этот локон золотистый,
Не томная лазурь очей,
Не голос твой, столь нежный, чистый,
Орлиный носик – носик фей,
Не персей зыбкая примета
Зажгла любовью грудь поэта!

Невольно время прелесть губит,
Годами хладными дыша;
Но то не мрёт, что друг твой любит,
Его любовь – твоя душа.
Она, как луч огнистый света,
Зажгла восторгом грудь поэта!

Владимир Бенедиктов (1807–1873)

Люблю тебя

«Люблю тебя» произнести не смея,
«Люблю тебя!» – я взорами сказал;
Но страстный взор вдруг опустился, млея,
Когда твой взор суровый повстречал.
«Люблю тебя!» – я вымолвил, робея,
Но твой ответ язык мой оковал;
Язык мой смолк, и взор огня не мечет,
А сердце все «люблю тебя» лепечет.

И звонкое сердечное биенье
Ты слышишь – так, оно к тебе дошло;
Но уж твое сердитое веленье
Остановить его не могло...
Люблю тебя! И в мечь за отверженье,
Когда-нибудь, безжалостной назло,
Когда и грудь любовью отдышит,
Мое перо «люблю тебя» напишет.

«Я знаю, – томлюсь я напрасно...»

Я знаю, – томлюсь я напрасно,
Я знаю, – люблю я бесплодно,
Ее равнодушие мне ясно,
Ей сердце мое – неуютно.

Я нежные песни слагаю,
А ей и внимать недосужно,
Ей, всеми любимой, я знаю,
Мое поклоненье не нужно.

Решенье судьбы неизбежно.
Не так же ль средь жизненной битвы
Мы молимся небу смиренно, —
А нужны ли небу молитвы?

Над нашею брэнностью гибкой,
Клонящейся долу послушно,
Стоит оно с вечной улыбкой
И смотрит на нас равнодушно, —

И, видя, как смертный склоняет
Главу свою, трепетный, бледный,
Оно неподвижно сияет,
И смотрит, и думает: «Бедный!»

И мысля я, пронят глубоко
Сознанием, что небо бесстрастно:
Не тем ли оно и высоко?
Не тем ли оно и прекрасно?

Алексей Кольцов (1809–1842)

Первая любовь

Что душу в юности пленило,
Что сердце в первый раз
Так пламенно, так нежно полюбило —
И полюбило не на час, —
То всё я силюся предать забвенью
И сердцу пылкому, и страстному томленью
Хочу другую цель найти,
Хочу другое также полюбить!
Напрасно всё: тень прежней милой
Нельзя забыть!
Уснешь – непостижимой силой
Она тихонько к ложу льнет,
Печально руку мне дает
И сладкою мечтой вновь сердце очарует,
И очи томные к моим очам прикует!..
И вновь любви приветный глас
Я внемлю страждущей душою...
Когда ж ударит час
Забвенья о тебе иль вечности с тобою?..

Евгений Гребенка (1812–1848)

Черные очи

Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!

Ох, не даром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Все, что лучшего в жизни Бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам!

Николай Огарёв (1813–1877)

Первая любовь

В вечернем сумраке долина
Синела тихо за ручьем,
И запах розы и жасмина
Благоухал в саду твоём;
В кустах прибрежных влюблено
Перекликались соловьи.
Я близ тебя стоял смущенный,
Томимый трепетом любви.
Уста от полноты дыханья
Остались немые и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука – пожатия руки.
Пусть этот сон мне жизнь сменила
Тревогой шумной пестроты;
Но память верно сохранила
И образ тихой красоты,
И сад, и вечер, и свиданье,
И негу смутную в крови,
И сердца жар, и замиранье —
Всю эту музыку любви.

«Я помню робкое желанье...»

Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье,
Я помню слезы и любовь.

Шло время – ласки были реже,
И высох слез поток живой,
И только оставались те же
Желанья с прежнею тоской.

Просило сердце впечатлений,
И теплых слез просило вновь,
И новых ласк, и вдохновений,
Просило новую любовь.

Пришла пора – прошло желанье,
И в сердце стало холодно,

И на одно воспоминанье
Трепещет горестно оно.

Михаил Лермонтов (1814–1841)

«Она не гордой красотою...»

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее – не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

«Без вас хочу сказать вам много...»

А. О. Смирновой

Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?.. Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

«Скажи мне: где переняла...»

Бартеневой

Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?

Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж? – нигде я не слышал
Того, что слышал от тебя я!

Благодарность

За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

Благодарю!

Благодарю!.. Вчера мое признание
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мне твой взор покажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И все, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:
Благодарю!

Договор

Пускай толпа клеймит презрением
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубеждением
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить;
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.

В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.

Алексей К. Толстой (1817–1875)

«Средь шумного бала, случайно...»

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грёзах неведомых сплю...
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

Иван Тургенев (1818–1883)

«К чему твержу я стих унылый...»

К чему твержу я стих унылый,
Зачем, в полночной тишине,
Тот голос страстный, голос милый
Летит и просится ко мне, —

Зачем? огонь немых страданий
В ее душе зажег не я...
В ее груди, в тоске рыданий
Тот стон звучал не для меня.

Так для чего же так безумно
Душа бежит к ее ногам,
Как волны моря мчатся шумно
К недостижимым берегам?

«Когда с тобой расстался я...»

Когда с тобой расстался я —
Я не хочу таить,
Что я тогда любил тебя,
Как только мог любить.

Но нашей встрече я не рад.
Упорно я молчу —
И твой глубокий, грустный взгляд
Понять я не хочу.

И все толкуешь ты со мной
О милой стороне.
Но то блаженство, Боже мой,
Теперь так чуждо мне!

Поверь: с тех пор я много жил,
И много перенес...
И много радостей забыл,
И много глупых слез.

Яков Полонский (1819–1898)

Ночью

Опять я видел вас во сне...
Давно объят сердечной ленью —
Я и не ждал, чтоб кроткой тенью,
Мелькнув, явились вы мне.
Зачем я вызвал образ милый?
Зачем с мучительной силой
Опять бужу в душе моей
Печаль и счастье прошлых дней?
Они теперь мне не отрада,
Они прошли, мне их не надо...
Но слышен, в памяти скользя,
Напев замолкший мне невольно;
Ему внимая, сердцу больно,
А позабыть его нельзя.

«Мой ум подавлен был тоской...»

Мой ум подавлен был тоской,
Мои глаза без слез горели;
Над озером сплетались ели,
Чернел камыш, – сквозили щели
Из мрака к свету над водой.

И много, много звезд мерцало;
Но в сердце мне ночная мгла
Холодной дрожью проникала,
Мне виделось так мало, мало
Лучей любви над бездной зла!

Афанасий Фет (1820–1892)

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

«Не отходи от меня...»

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отратно с тобой...
Ближе друг к другу, чем мы, —
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.
Если же ты – предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мне так отратно с тобой:
Не отходи от меня!

Николай Некрасов (1821–1878)

Гадающей невесте

У него прекрасные манеры,
Он не глуп, не беден и хорош,
Что гадать? ты влюблена без меры,
И судьбы своей ты не уйдешь.

Я могу сказать и без гаданья:
Если сердце есть в его груди —
Ждут тебя, быть может, испытанья,
Но и счастье будет впереди...

Не из тех ли только он бездушных,
Что в столице много встретишь ты,
Одному лишь голосу послушных —
Голосу тщеславной суеты?

Что гордятся ровностью пробора,
Щегольски обутою ногой,
Потеряв сознание позора
Жизни дикой, праздной и пустой?

Если так – плоха порука счастью!
Как бы чудно ты ни расцвела,
Ни умом, ни красотой, ни страстью
Не поправишь рокового зла.

Он твои пленительные взоры,
Нежность сердца, музыку речей —
Всё отдаст за плоские рессоры
И за пару кровных лошадей!

«Когда горит в твоей крови...»

Когда горит в твоей крови
Огонь действительной любви,
Когда ты сознаешь глубоко
Свои законные права,
Верь: не убьет тебя молва
Своею клеветой жестокой!

Постыдных, ненавистных уз

Отринь насильственное бремя
И заключи – пока есть время —
Свободный, по сердцу союз.

Но если страсть твоя слаба
И убежденье не глубоко,
Будь мужу верная раба,
Не то – раскаешься жестоко.

«Давно – отвергнутый тобою...»

Давно – отвергнутый тобою,
Я шёл по этим берегам
И, полон думой роковою,
Мгновенно кинулся к волнам.
Они приветливо яснили.
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!
Поздней – любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда.
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда.
Теперь – один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов.
И та же мысль приходит снова —
И на обрыве я стою,
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою...

«Как ты кротка, как ты послушна...»

Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!

Так солнце осени – без туч

Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

Алексей Жемчужников (1821–1908)

«Странно! Мы почти незнакомы...»

Странно! Мы почти незнакомы —
Слова два при встречах и поклон...
А ты знаешь ли? К тебе влекомый
Сердцем, полным сладостной истомы, —

Чем спасусь от этой я напасти?..
Так своей покорна ты судьбе,
Так в тебе над сердцем много власти...
Я ж, безумный, думать о тебе
Не могу без боли и без страсти...

Аполлон Майков (1821–1897)

Купальщицы

(Мелодия с берегов Ганга)

Люблю тебя, месяц, когда озаряешь
Толпу шаловливых красавиц, идущих
С ночного купанья домой!

Прекрасен ты, воздух, неся издалека
С венков их роскошных волну аромата,
Их нам возвещая приход.

Прекрасно ты, море, когда твою свежесть
Я слышу у них на груди и ланитах,
И в черных, тяжелых косах...

Аполлон Григорьев (1822–1864)

«Благословение да будет над тобою...»

Благословение да будет над тобою,
Хранительный покров святых небесных сил,
Останься навсегда той чистою звездою,
Которой луч мне мрак душевный осветил.

А я сознал уже правдивость приговора,
Произнесенного карающей судьбой
Над бурной жизнью, не чуждою укора, —
Под правосудный меч склонился головой.

Разумен строгий суд, и вопли бесполезны,
Я стар, как грех, а ты, как радость, молода,
Я долго проходил все развращенья бездны,
А ты еще светла, и жизнь твоя чиста.

Суд рока праведный душа предузнавала,
Недаром встреч с тобой боялся я искать:
Я должен был бежать, бежать еще сначала,
Привычке вырасти болезненной не дать.

Но я любил тебя... Твоею чистотою
Из праха поднятый, с тобой был чист и свят,
Как только может быть с любимую сестрою
К бесстрастной нежности привыкший с детства
брат.

Когда наедине со мною ты молчала,
Поняв глубокою, хоть детскою душой,
Какая страсть меня безумная терзала,
Я речь спокойную умел вести с тобой.

Душа твоя была мне вверенной святыней,
Благоговейно я хранить ее умел...
Другому вверено хранить ее отныне,
Благословен ему назначенный удел.

Благословение да будет над тобою,
Хранительный покров святых небесных сил,
Останься лишь всегда той чистою звездою,
Которой краткий свет мне душу озарил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.